

Александр Загрибельный более 20 лет проработал переводчиком на нефтепромыслах Казахстана и Афганистана. Учился и работал в США и Великобритании. Руководитель литературного объединения «Оазис» (г. Тараз) и редактор одноименного альманаха, заместитель редактора журнала «Современное образование» (Алматы). Публиковался в российских журналах «Журналист», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», а также в периодике РК и дальнего зарубежья. Автор многих книг стихов и прозы, награжден Дипломом Британского совета за лучшие поэтические переводы (Алматы, 2005). Член Международного Казахского PEN-клуба. Повесть «Буровые хроники» тематически продолжает роман «Нефтянка» («Простор», № 1–2, 2011) и стала призером международного конкурса «Проза труда. Селигдар», Республика Саха (Якутия) в 2014 году. Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет своего постоянного автора со славным 70-летием, желает ему творческих успехов и семейного благополучия.

Александр ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ

БУРОВЫЕ ХРОНИКИ

(На Шелковом пути меж трех миров)

Налево не ходи, направо не ходи, прямо ходи.
Почти по Конфуцию

Люди и будни

В пустыне на буровой вышке люди месяцами живут и работают бок о бок, почти как на космической станции. Они приобретают свойства команды, семьи, должны ладить и понимать друг друга, даже если с детства думают на совершенно разных языках.

Они съезжаются со всех концов света. По миру раскиданы их родные, друзья, и сами они немало потаскались по странам и континентам – Канада, США, Норвегия, Россия, Ливия, Нигерия, Венесуэла, арабские страны, и теперь Казахстан.

Ежедневно летом и зимой без выходных и праздников они встречают рассвет и ложатся спать за полночь. Тут, в сорокафутовых переоборудованных в офисы грузовых контейнерах, есть все – чай, кофе, сыр, колбаса, международная спутниковая связь и круглосуточный Интернет. Официально нет алкоголя.

В свободные часы, вдалеке от начальства они ведут не только профессиональные разговоры – обсуждают местные нравы, политику, историю и, разумеется, женщин.

Существует поговорка – чтобы понять вкус вина, не обязательно выпить целую бочку. Достаточно сделать глоток. Общение на вышке – коктейль современного мира. У него резкий запах нефти, но это придает ему особую терпкость нашего глобального времени.

Я – бывший журналист, давно работаю переводчиком в компании (назовем ее условно «Петролеум») и веду эти хроники, потому что тема уж больно

горячая, и на досуге хочется для себя расставить некоторые вехи, попытаться уловить изменения в мелочах, которые готовят большие перемены.

Мы живем в транзитный период – за каких-то пятнадцать лет от кондово-эйфорично-советского повернулись к западному жесткому рыночному порядку, казалось бы, надолго – и вдруг обозначился крутой китайский реверс.

Живем будто вприпрыжку. Всерьез и не захочешь останавливать мгновенье, угнаться бы за убегающим моментом, не успеешь оглядеться, привыкнуть – и почти полжизни пролетело в переменах.

Махаббат¹

Американский супервайзер, грузный калифорниец Боб Бустер со лбом буйвола и властным взглядом комодского дракона, двигая резко прочерченными вниз уголками рта, жует бутерброд и запивает кока-колой. Он предпочел бы классический гамбургер, но тут довольствуется местной булочкой с набивкой из колбасы, перезрелого огурца и прочего подручного материала. Его живот водопадом спадает поверх пояса. Огромный переваривающий аппарат он заработал, годами сидя в кресле, жуя и наблюдая в окно контейнера за буровой площадкой.

Лет тридцать пять назад он так же, как здешние молодые ребята, бегал по лестницам, подавал трубы, держал штурвал, а теперь не может застегнуть ремень, и джинсы у него обвисают, и рубашку ему приходится носить только навывпуск.

Боб – крупный знаток бурения. Его уважают, боятся и подчиняются беспрекословно. Он только что дал разгон инженеру по ТБ за бутылки из-под водки, валявшиеся на пустыре позади жилых вагончиков. На промысле труд тяжелый, люди пили и будут пить, но такое демонстративное разгильдяйство Боб не терпел. На прошлой вахте он выгнал одного рафнека², застав его вдрызг пьяным возле вибросита, и теперь бурно разразился крепкими выражениями, потребовав от меня адекватного перевода. Но, выплеснув гнев, быстро отошел, тем более что приближалась пора священного времени обеда. Хотя до лагеря было рукой подать, он сел за руль «пикапа», и мы поехали.

В столовой – шумно и жарко, на кухне всё кипит, парится, жарится, нарезаются салаты, выпекаются пирожки и рогалики. Повара наполняют тарелки. Наливается чай. Местный люд благодарит за бешбармак. Западные спецы предпочитают свиную отбивную. На мойке растет нескончаемая груда посуды.

Статная, крепкая, с полными губами и призывным взглядом, уверенная в своих женских достоинствах Махаббат, подпевая громко звучащей из магнитофона песне, в которой беспрестанно повторяется ее имя, убирает со столов и споро моет посуду, занимаясь этим по двенадцать часов в сутки.

Она поставила бутылку пепси и поднесла Бобу пирожные, зная, что жена ему запрещает и требует держать диету.

– Коррапшин (подкуп), – улыбаясь, говорит Боб, но отказать в удовольствии себе не может.

С модно оголенным под короткой блузкой пупком девушка снует принцессой среди буровых мужиков, и ее охаживают такими голодными взглядами, что от них одних можно забеременеть.

¹ Любовь (каз.).

² Букв. твердая шея (англ.), подсобный рабочий.

- Махаббат, алавую¹, – говорит шофер Турсунбек и пытается ущипнуть.
- Фу, дурак такой! – отмахивается та.
- Поварихи дружно смеются.
- Женщины – одна мафия, – смачно по-русски комментирует черноусый инженер-растворщик румын Марьян.
- А мужчины? – оглядываясь через плечо, кокетливо вопрошает Махаббатка.
- Нет, мы каждый по отдельности. А где твой бойфренд? – желает он продолжить разговор.
- Какой бойфренд?
- Жених твой.
- Уехал вчера, он мне не жених. У него есть своя невеста.
- Боб тебя ревнует, – продолжает подначивать Марьян, он бы и сам не прочь ущипнуть.
- Скажи ему, что я свободная девушка.
- У меня дочь старше, чем она, – отвечает Боб, когда я перевел.
- Это сегодня значения не имеет, – отвечает Махаббат.
- Бабам почесать языки на приятную тему – никакими яствами не корми, у окошка раздачи сразу сгрудились поварихи, и дородная администраторша Роза, как главная сводня, тут же повела торг:
- Готовь деньги, Боб. Давай калым!
- Сколько?
- Сколько не жалко, – с вызовом подхватывает Махаббат.
- Моя жена мне не даст денег на это. Она не захочет делиться, – отвечает Боб.
- Ладно, я и так, без денег, согласна, только забери меня отсюда подальше, – вздыхает Махаббат, принимаясь за мытье уже выросшей горы посуды.

Под пиво

Утром рано пожилая горничная, убрав у нас в офисе, попросила разрешения позвонить в город, узнать про дочку в роддоме. Оказалось, что родила мальчика. Все принялись поздравлять её с внуком.

Марьян говорит:

– Это её муж – дедушка. Бабушкой она будет, когда родят ей внучку.

Пока румын балагурил, Боб поднялся, пошлепал в свою комнату, выходит, протягивает купюру – пятьдесят долларов.

Она смутилась:

– Что это?

– Подарок.

– Неудобно.

– Возьми, это в честь того, что твой внук родился в один день со мной.

Вчера у меня тоже был день рожденья.

Тут принялись все поздравлять его и упрекать:

– Что ж ты не сказал?

– Я стеснялся, – смущенно отвечал большой Боб.

К ужину в столовой выпустили плакат, заставили меня написать поздравления на русском и английском, сами добавили по-казахски, испекли

¹ I love you.

торт, пельменей налепили. Посидели хорошо, по-домашнему. Разве что пива не хватало. И это было несколько огорчительно.

Уже затемно приехал на роскошном «Лэндкрузере» Гоша – хозяин местной быстро растущей компании «Мунай». Хочет купить в Китае буровой станок. Боб консультирует его по комплектации – сколько каких запчастей заказывать и прочее. Собираются вместе в Пекин, посмотреть завод «Великая Стена».

Накануне Гоша заслал нам кучу факсов, и битый час мне пришлось переводить его переговоры с шефом по телефону. Приехал не с пустыми руками, поставил бутылку дорогой водки и пятилитровый бочонок немецкого пива.

Я ему говорю:

– У Боба сегодня день рождения.

Помощник опять побежал к машине, притащил закуску – коробку со смесью разных орехов: миндаль, фисташки, подсоленный арахис, беленькие закорючки кешью. Мешок фруктов – яблоки, хурма, киви. Пакет вяленого чернослива, начиненного изюмом, сушеная дыня, тонкими ленточками закрученная в рогалики, и еще всяческие куки – всё крупное, спелое, самого лучшего качества.

Наверное, хотели с нами посидеть, но дело было к ночи, поэтому оставили десерт, а сами уехали в город, проконсультированные и довольные.

– Интересно, как открывается этот бочонок? – спросил я, подмигивая Марьяну.

Тот деликатно намекнул, что мог бы показать.

– Ладно, давайте, – согласился Боб, подвигая свою кружку.

В офисе собрался весь наш интернационал – Боб (американец), геолог Нуртаза (бангладешец, переехавший в Канаду), румын Марьян и я (русский переводчик), заглянул также Войцек – ночной мастер, поляк, но убежал, потому что слишком занят был на вышке. Мы поставили бочонок на стол, насыпали закуску и сами тоже присели вокруг. Марьян пристроил краник. И пиво полилось.

Разговор легко перетекал от темы к теме по-английски, но Нуртаза учился в Москве и после первой кружки начал вспоминать русские песни. Очень они ему нравятся, особенно «Надежда». Спели с ним. Я перевел слова для остальных.

– Мою жену, – объясняю, – тоже зовут Надежда. Имя со смыслом.

Потом я подумал, что она ждет меня дома, и от этого мне сразу стало еще теплее. А водку мы оставили Бобу, пусть домой заберет сувенир.

У Нуртазы выразительное лицо и подвижная мимика маленькой темной обезьянки.

– ...И тогда я узнал, что коук – это не кока-кола, а кокаин, – рассказывает он. – Приезжий американец спрашивает у меня, можно ли в Бангладеш найти joint – гашиш. Пошли на базар, в лавке индуса большой выбор. «Почем?» – «Доллар». – «За сколько?» – «Килограмм». – «Что?» – не поверил он. Купил разом целую сумку, заплатил десять долларов и сказал, что сдачи не надо. Вернувшись в отель, он быстренько россыпью распродал товар своим соотечественникам почти на тысячу баксов.

– Они рыночную экономику просекают с детства, – соглашаюсь я по-русски.

Раздался телефонный звонок.

– Кто бы это мог быть так поздно? – недоуменно пожал плечами Боб. – Разве что Бузович. – Тот мог звонить и в три ночи, и в пять утра.

Действительно, на проводе был и. о. директора бурения Дыромил Бузович. Цель его звонка была привычно туманна. Он по несколько раз переспрашивал и опять путал цифры, раздражался, кричал, шутил и смеялся над своими шутками, отдавал беспорядочные распоряжения, и, наконец, похвастал, что только что подписал сто двадцать страниц документов и очень устал. Боб, отдалив трубку от уха, отвечал ровно и сухо, иногда глумливо поглядывая на нас. Услышав, наконец, многократно повторенные «Оу-Кей» и стряхнув с ушей начальственный морок, Боб с облегчением опустил руку.

– А кто у вас самый знаменитый писатель? – спросил я у геолога, пока Марьян с Бобом, потягивая пиво, углубились в обсуждение состава бурового раствора.

– Рабиндранат Тагор, – не задумываясь, ответил Нуртаза с интонацией, с которой бы я произнес – Пушкин.

– Был у нас один ученик Рабиндраната Тагора – Остап Бендер. Слышал, наверное?

Нуртаза даже не улыбнулся. Это святое, про Тагора он шутить не способен.

– Он у нас считается высшим из высших. Он написал гимн и для Бангладеш, и для Индии.

– Погоди, как он мог писать для Бангладеш, если он умер в начале прошлого века?

– Ну, мы просто использовали его стихотворение. Хинди и бенгали похожие языки. Он родился в очень богатой семье, ездил в Россию, читал по-русски.

– Честно признаюсь, романов я его не одолел, но из стихов помню «К сложному надо подходить по кругу, постепенно поднимаясь к вершинам...». Ты что-нибудь из Тагора наизусть помнишь?

Нуртаза надолго задумался, потом запел национальный гимн.

«Слова с музыкой он запоминает лучше», – догадался я и, продолжая манипулировать краником бочонка, попросил:

– Объясни, пожалуйста, вот Индия – страна с древнейшей культурой, почему ж индийские фильмы все такие однообразные и, извини, дурацкие?

– Фильмы для бедных, только они в кино ходят, богатый кассету или DVD купит и дома телевизор смотрит. А бедняк, может, весь день с рикшей бегал, рис полел или мусор убирал, – теперь пришел в кино, чтоб ему попели, поплясали, повеселили его, девушку красивую с хорошей грудью показали...

– Махаббатка с поварами их обожают, а еще латиноамериканские сериалы.

– У одного режиссера спросили: «Почему не делаете серьезное кино с проблемами?» – «Я тогда разорюсь, – отвечает он, – кто смотреть будет?» Но в Бангладеш индийские фильмы презирают, мы выпускаем много своих.

– Тоже с песнями-танцами?

– Да. Но свои. У нас очень любят русские картины, за билетами в драку – не достать. Вообще Советский Союз много сделал для Бангладеш. До сих пор работают заводы и электростанции, специалистов обучили. Люди помнят добро и благодарны.

Но у нас действительно есть серьезные фильмы, недавно смотрел – один молодой парень из богатой семьи полюбил очень красивую девушку, но она была танцовщица. А это не запрещается, но не очень хорошо, с точки зрения принятых норм они разного общественного положения.

Но он решил – всё равно женюсь. После того как выучился в Лондоне, вернулся. А она вышла замуж за богатого. Он запил, заработал цирроз пече-

ни, ему сказали – ложись в больницу, а он ответил – нет, хоть перед смертью, но я должен увидеть свою любимую. И он поехал в город, где она жила, но, не доходя всего десять шагов до больших, красивых ворот, упал и умер, и так и не увидел девушку. Очень серьезный фильм.

– Ну да, понятно – в остальных только пляшут и поют, дерутся и целуются, а тут еще и проблема алкоголизма. А скажи, неприязнь и вражда больше по национальному или религиозному признаку?

Он опять задумался.

– Наверное, больше по национальному.

– Я знаю, в Канаде хорошо относятся к темным, не шугают. А как тебе жилось в Москве?

– Меня при Союзе никто не обижал. Снег помогали чистить. Советы давали, как выжить зимой. Сейчас всё по-другому. Пока не хочу в Россию. В Казахстане спокойнее.

– Да, про нас, оставшихся здесь русских, Россия тоже не очень помнит.

О средней линии умеренного американца

Промысел – огромное хозяйство под открытым небом, состоящее из тысяч разбросанных по степи скважин, сотен километров трубопроводов и дорог, из насосных станций, цехов, складов, жилых поселков с офисами и столовыми.

Буровики стоят немного особняком. Если геологи дают прогнозы, то мы превращаем их в материальный продукт. К нам обращен вопрос – есть нефть? И мы этим гордимся, поскольку без нас не будет новых скважин и нельзя увеличить добычу.

Каждая буровая – промысел в миниатюре, отдельный корабль с капитаном и узлами жизнеобеспечения. В любом месте, в любую погоду гудят дизеля станков, тянутся к нам караваны трейлеров и наливных, подвозя трубы, горючее, химреагенты, воду и еду.

На календаре вторая половина сентября – самое лучшее время осени. Не жарко, не холодно, ясная, ровная погода. Сухие травинки шелестят под ногами. Птицы совершают последние облеты. Пустыня очень разная: плоская и холмистая, с песчаными барханами и глинистой порепанной почвой, с зарослями саксаула и слепящим блеском высохших соляных озер. Ходи, гуляй, кричи, пой, всё равно тебя никто, кроме птиц и ящериц, не слышит.

Наш забой неглубокий – две тысячи метров. Неделю продолжают плотные сланцы, но вот-вот начнется песчаник, в котором ожидается нефть. На экране монитора ряды цифр показывают глубину, скорость, давление и еще десяток важных параметров. Процесс идет ровно. И вдруг проходка резко возросла.

– У нас прорыв! – воскликнул сменивший пару дней назад Нуртазу Френк, худощавый остроносенький геолог из Швейцарии. – Наверное, каверна, – предположил он.

Взгляды устремились к монитору центрального компьютера.

– Это кино довольно интересное, – пошутил я. – Сериал и реалити-шоу одновременно.

– Особенно когда смотришь его двадцать лет подряд, – добавил Боб.

– Дошли до проектной глубины, есть хороший газ и следы нефти в шламе. Будем вызывать каротаж¹, – решил Френк, и Боб с ним согласился.

¹ Геофизическое исследование скважины.

Из длинной оранжевой будки на «Кразе» в пробуренную дыру геофизики спускают на тросе приборы, которые определяют профиль скважины и наличие углеводородов.

В ожидании результатов Боб читает книжку. Он привозит каждый раз с собой полчемодана современной американской тонкообложечной прозы. Сидит в поле по два-три месяца, и так получается, что пока все свои «бестселлеры» не прикончит – домой не возвращается.

Он редко говорит о прочитанном, не обсуждает сюжеты и героев, он их просто проглатывает – убивая время, отдыхая от щелканья «мышкой» по паянсу, при этом край его глаза неизменно цепляет площадку вышки и монитор компьютера.

Боб читает, когда улучшает возможность – утром в кресле после отсылки отчета, после обеда на кровати, но особенно долго, сидя на унитазе. Туалет – это его второй рабочий кабинет. Проблемы с желудком неизбежны, если бесконечно есть гамбургеры и запивать кока-колой.

Глянем на его полку: здесь перебивали почти все книжки Майкла Крайтона – «Юрский парк», «Линия времени», «Опасный пациент», тома Тома Клэнси и Клайва Касслера, Ральфа Коттона – поточная массовая продукция толщиной до семистот страниц: про океан, про войну, про ЦРУ и КГБ, детективы, ковбойские вестерны, амурные романы-полуфабрикаты, из которых потом выпекаются голливудские боевики.

Я несколько раз пытался начать и бросил – скучно. Я предпочитаю Хемингуэя, Курта Воненгута, смакую понемногу Джойса. С удовольствием пробежал три книжки Гарри Поттера.

Но Марк Твен – это нечто! Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна – «райское наслаждение»: оригинал свеж и сочен, как только что сорванный спелый плод. Неисчислимы ароматы английского, бездна языковой гибкости и юмора по-прежнему убажт самого взыскательного читателя. Это книга о детях для взрослых, как однажды пронцательно заметила моя жена.

А вот русский перевод, казавшийся мне в юности почти родным, сразу потускнел, стал если не дубоватым, то гораздо менее смешным и изящным. Хемингуэй в своей автобиографической повести «Зеленые холмы Африки» сказал, что из «Гека Финна» вышла вся американская литература.

Боб взял у меня из рук книжку, полистал:

– Говорят, что он плохо про негров пишет, что они глупые. Это расизм. Теперь у нас в школе такое не читают.

– Вот те здасьте, американцы перестали воспринимать собственный юмор! – изумился я. – Но при этом они спокойно откалывают шуточки, что если на президентских выборах победит чёрный, то придется менять название Белого дома.

– Вы нашу классическую литературу знаете лучше, чем мы, – признался Боб. – Это старый английский. Современный американский другой. Не люблю классику, особенно британскую. Их язык вообще не поймешь. А это что за книга?

Боб взял третью вахту лежавший у меня на столе толстый черный том, раскрыл и прочел вслух: «Study of History». Это «Постижение истории» А. Тойнби¹. Такое с наскока не одолеть. Закончишь главу и неделю огляды-

¹ А. Тойнби – британский историк, философ истории, культуролог и социолог, профессор, исследователь международной истории. Автор многочисленных книг.

ваешься вокруг – просто диву даешься прозорливости автора, рассуждавшего пятьдесят лет назад о демократии, о языках, о прошлом и перспективах народов.

Боб особо напрягаться не хочет. Он ни Твена, ни Тойнби не читал и не собирается, но и своих вкусов не навязывает. Он средний умеренный американец. Ему пятьдесят девять, он давно лелеет бациллу полевого эгоизма – привычку к одиночеству в комфорте. Но семейные ценности для него по-прежнему превыше всего. Иначе зачем летать на работу так далеко, как не для обеспечения своих родных благами цивилизации. Каждому из четырех внуков он купил по квадроциклу, да и всякой другой техники и электроники полон дом. Зарплата позволяет.

Боб любит животных. На ранчо возле дома у него водятся ламы, бегают пони, барашки, кролики и прочая живность на радость детворе. Здешние буровые кошки и собаки его обожают, он их почесет, погладит, возьмет на руки, даст колбасы.

Жена ему пишет длинные письма каждый день и очень сердится, если он не отвечает сразу.

И еще Боб верит в Ад. В том смысле, как он однажды признался, что после смерти попадет туда, если при жизни будет делать плохие дела.

Вот такой у меня шеф-американец.

В политике Боб – демократ, тяготеющий к республиканцам. Если б не Буш.

– У американцев был выбор между лжецом и идиотом. Мы предпочли второго. И получили еще пять лет президентской войны, – жалуется как-то раз Боб в разговоре.

– Буш не такой уж глупый, он хитрый, – поправляет Френк. – И у него достаточно консультантов – его отец.

– В США растет протест. Это единственное, что мы можем и должны делать. Он должен чем-то завершить – и в экономике, и в Ираке. Иначе следующий президент будет демократ.

– Хиллари? – спрашиваю я.

– Вряд ли. Она – холодная рыба, – морщится Боб. – Она интеллигентна, но не может плавать в своей интеллигентности. И это ж абсурд – сколько денег потрачено на расследование дела Клинтона – Левински. Больше чем на компенсации жертвам и восстановление Всемирного торгового центра. И теперь всякий подглядывает в щелку туалета к своему соседу.

– Гитлер тоже не был умным, но у него была страшная интуиция, тридцать восемь покушений, а он остался жив, – сказал Френк.

– У Буша нет интуиции, – возразил Боб.

– Пожалуй, Фидель Кастро побил рекорд, на него ЦРУ раз сто покушалось.

– Ясир Арафат уж точно и Фиделя переплюнул – как его евреи ракетами долбали, а помер с непонятным диагнозом.

– От пьянства, – уверенно сказал Марьян.

– Не может быть. Он мусульманин!

– Цирроз печени – болезнь алкоголиков, – безапелляционно заявил Марьян.

– Кастро решил избавиться от долларов и запретил их на Кубе. Я услышал про это и прилетел в Гавану с канадскими. А вокруг: «Это что такое? Мы не знаем таких денег, нам нужны настоящие». Пришлось опять менять в их банке на «гринь».

– Но надежнее всего евро, – говорит Френк, который живет сейчас в Канаде, но собирается возвращаться в Европу, чтобы дать детям образование, ведь оно там дешевле. Немецкий у него родной, английский – университетский, на французском говорит с женой, хорошо понимает швейцарские диалекты и может перекинуться с Бобом по-испански.

Я поинтересовался:

– А правда, что в Париже могут не ответить, если спросишь по-английски?

– Чепуха! Но Париж испортил свою репутацию. Только въехав, я постарался быстрее убежать из него. Это не Франция. Там националисты. И слишком много проблем с арабами. Они оттягивают на себя социальные программы. У них по две-три жены, у каждой по три-четыре ребенка. Я жил в районе, где арабы работают на заводах «Пежо». Знаете, что они делают? Поджигают автомобили, чтобы попасть на зиму в тюрьму, где есть крыша, кровать, кормежка. В последнее время сплошные погромы.

– Куда деваться – истые европейцы брезгуют грязной работой. Кто строит дороги, убирает мусор? Турки, армяне, арабы.

– Это наказание за колониализацию Алжира, – веско высказался Боб.

– То же самое в Штатах – негры, китайцы, латиносы. Вы разве не колонизировали Мексику? – парировал Френк.

– Мы её украли, купили, – криво ухмыльнулся Боб.

– А что здесь у нас происходит? Кто кого кому продал? – громко спросил я, но иностранцы отвели глаза и промолчали.

Осенняя смута

Приехав в ноябре 2006 года на вахту, я увидел в фойе центрального офиса перетянутый траурной лентой портрет президента компании. Это был умелый, гибкий организатор, в начале нулевых он вывел «Петролеум» из кризиса и поднял до очень высоких показателей. Теперь в главных кабинетах уже сидели другие лица.

– Новый вице-президент Джерри Чучольски хорошо говорит по-русски, у него жена русская, – сообщил Роберт Клок, крупный, подвижный техасец-цементник из компании «Халлибертон».

– У меня жена француженка, но я не говорю свободно на французском, – возразил Френк.

– Он говорит на подушечном русском, а ты говоришь на подушечном французском, – резюмировал Боб.

– Джерри вместо экспатов¹ подтягивает за собой команду россиян, с которыми он работал в Сибири – считает, что так дешевле. Но казахское министерство сопротивляется, – с явным удовольствием рассказывает Роб. – Так и заявляют: «Что вы нам опять их тащите! Семьдесят лет не могли избавиться».

«Новенькие, кажется, нарубят дров», – думаю я и, не отрывая пальцы от клавиатуры, печатаю на ноутбуке, стараясь не оборачиваться, чтобы не спугнуть разговор.

– Ты не сидел в тюрьме? – вдруг обращается ко мне Роберт.

– Я что, так выгляжу? – растерялся я, застигнутый врасплох.

– Нет, но как можно весь день сидеть, читать, писать, о чем-то напряженно думать и не сойти с ума?

¹ Экспаты – западные спецы, работающие за рубежом (букв. экс-патриоты).

Я рассмеялся:

– Просто дома семья, дети, хозяйство, других хлопот полно – не сосредоточишься, а тут Боб мне позволяет, и я стараюсь успеть.

– Дома совсем другое, – соглашается шеф. – Проснусь в пять утра, поворочаюсь, встану, посижу. Слышу, жена ворчит: «Чего скрипишь креслом?» Спускаюсь вниз, разожгу камин, посмотрю новости по телевизору, потом выйду, поработаю во дворе, позавтракаю и к одиннадцати лягу, усну. После обеда еще разок прикорну, как я привык на вышке. Жена недовольна. Через неделю начинает ждать, когда уеду.

– Опять про нас написали в центральной газете, что жжем газ и отравляем атмосферу, – воспроизвожу я сообщение из Интернета, но умалчиваю, что форма подачи материала и даже некоторые фразы как будто слизаны с моего выступления и пресс-релиза двухлетней давности в Алматы на экологическом круглом столе ведущей политической партии, минэкологии и общественных организаций. Тогда большинство собравшихся традиционно продолжало ратовать за усыхающий Арал и Семипалатинский полигон, а на мое заявление о необходимости вести добычу нефти и утилизацию попутного газа по нормам цивилизованных стран внимания не обратили. Обсуждать не стали, но, как оказалось, наверху на заметку взяли. Дело было летом, а в декабре президент Назарбаев подписал поправки к закону о нефти, требующие полной утилизации газа.

И вот теперь закон всплыл как заказной черный пиар и бумерангом ударил почему-то именно в «Петролеум». Кому-то сейчас это очень понадобилось.

Подобная избирательность характерна не только для отечественных ловкачей. Одна американская неправительственная организация, с которой я познакомился в конце перестройки и даже получал гранты, объявила в Вашингтоне конференцию и тренинг по охране природы в Центральной Азии. Приглашались опытные журналисты. Ну, я и послал заявку, как бывший редактор экологической газеты, участник Глобального Экофорума-92 в Рио-де-Жанейро. Перечислил, что опубликовал в отечественной и зарубежной прессе, подчеркнул, что меня интересует практика применения норм охраны окружающей среды в США, не допускающих сжигания газа в атмосфере. Мне хотелось узнать, как ведутся журналистские расследования по оценке ущерба непрямыми методами, когда на руках нет официальных данных. Так пришел ответ: «Вам не надо учиться, вы слишком опытный».

Вот такие засранцы!

Кто-то может подумать, что во мне говорит обида несостоявшегося туриста. Бывал я в Штатах много раз, учился в университете и работал в газете. Объездил и посмотрел страну вдоль и поперек. Подозреваю, что не пригласили потому, что я сформулировал не абстрактную, а конкретную серьезную проблему. Они нынче оберегают своих производителей, мол, охраняй мошек и цветочки, а главную прибыль не трогай! Действительно, зачем Конгрессу США выделять деньги на противодействие себе.

– Может, ты, как журналист, напишешь статью в защиту компании? – спрашивает Боб.

В принципе, я не против – потряхнуть стариной. Неприятно, когда фирму, в которой работаешь, со всех сторон поливают грязью, а тебя знакомые пытаются – что еще вы там натворили?

В журналистику, с ежедневной погоней за новостями, я давно не впрягусь. Другое дело – раскапывать свою тему, «пробурировать» ее под разными

углами. В советские времена писатели уходили работать в кочегарку. Лет десять назад подвернулось место переводчика, платили хорошо, в провинциальной газете столько не заработаешь, месяц на вахте, месяц дома – занимайся чем хочешь, постепенно освоился и остался, сам не ожидая, что так надолго.

У меня своя кочегарка – на буровой. И надо честно признаться, что чадит она – нещадно! Горит, гудит газ, еще с советских времен, улетаая в трубу синим пламенем и внося свою лепту в глобальное потепление.

Но ситуация такая по всему Казахстану, а шерстят почему-то только нас. Явно на заказ. И мне это не нравится!

Понимай местный менталитет

Мы закончили скважину и, пока вышка переезжала на новую точку, Боб отпустил меня в город – в этот пыльный и сонный южноказахстанский городишко с редкими деревьями, но с массово произрастающими коттеджами под железной черепицей вдоль улиц с дрянным асфальтом, где на каждом перекрестке гаишники скребут карманы водителей.

Я отправился по кабинетам центрального офиса и, понемногу входя в журналистский раж, пытался разузнать правду, которую каждый рассказывал по-своему.

«О, Май Год!» – разносился вдоль коридора из приоткрытой двери прерывистый, лающий голос и. о. директора отдела бурения. У него всегда что-нибудь случалось. Злые языки утверждали, что югослав Дыромил Бузович был контужен при американской бомбежке Белграда. Летом 1995 года он стоял в безопасной части города, неподалеку от китайского посольства, выйдя поглазеть на полыхающий пожар и ракетные фейерверки с глади Средиземного моря. Кто ж мог знать, что так обернется – китайцы вякнули что-то против, а американцы долбанули в ответ и объяснили потом компьютерной ошибкой, особо не извиняясь.

Перекурив у окошка и поболтав о том, о сём со своим бывшим сменщиком, а теперь переводчиком Бузовича, я разведаль массу интересного про внутренний расклад сил.

Джерри Чучольски – рубил с плеча направо и налево, увольняя одних и подтягивая на их место свои кадры. Он прижал контракты с предпринимателем – братом главы городской администрации, а на приеме у областного акима пнул ногой дверь и кричал, что будет жаловаться на беззаконие в Лондон. Не понимая местного трайбализма, он взял себе советником Кадырбека – неуравновешенного, амбициозного мамбета, мечтающего сесть в кресло генерального директора промысла. И тот тоже принялся махать руками и орать: «Тебя уволю, и тебя уволю!» И действительно, некоторые его противники работали теперь простыми аппаратчиками.

У Бузовича шаткое положение, он панически боится Джерри. Но, хотя Дыромил вносит сумятицу, его жалеют и продолжают держать, за то, что он беспрекословно выполняет задания, перелопачивает горы входящих-исходящих бумаг и не высказывает собственного мнения. Ничего, кроме «Оу-Кей» и «Май Год»!

В отделе связей с общественностью симпатичная кореянка Соня пыталась рассеять мои сомнения.

– Почему, – спрашиваю, – они в столичном офисе пропускают газетные плюхи? Каких только нам «собак» ни вешают, всех съедаем. Огрыземся в своем внутреннем журнальчике, но и тут язык и стиль статей примитивен, потому что клепают их девчонки с уровнем мышления средней школы.

– Нет, им запрещают отвечать, – горячо пыталась переубедить меня Соня. – И журналисты есть, и газеты, но дан приказ – молчать! Всё решается наверху – на очень высоких уровнях. Тут замешана большая политика. Из газет звонят, спрашивают, беспокоятся, а мы им: «Ну коммент!» Они сами тогда что-то где-то раскопают и публикуют.

Нечто подобное уже было, пять лет назад, когда поливали грязью «Петролеум» из-за того, что крупный азиатский консорциум пожелал купить контрольный пакет акций.

Покойный президент сделал тогда блестящий ход – пообещал бонус всем держателям, если не будут продавать три года. И вскоре нефть стала дорожать. И акции бешено пошли в рост. Нахальные покупатели отпали сами.

Теперь же дело принимало более опасный оборот: поползли слухи о том, что нас хотят заполучить и индийцы, и китайцы.

Поднимаясь по лестнице, я встретил комендантшу – Розу, у нее был свой взгляд на ситуацию:

– Кадырбек дуркует, у него голова не на месте. Он из малого жуза, здесь у него поддержки нет. А ты что, не знаешь наших казахов? Если завтра Джери не будет, и его тут же самого местные съедят. Не думает, куда он потом пойдет? К себе в Атырау? Но там давно занято, там зубатые еще похлеще, – Роза понизила голос, – или просто закажут его. Долго ли... Уволил администраторов вахтового поселка. Жили, как кумовья королю, в шикарных апартаментах с коврами. Дома построили, машины купили, но это всё пшик, разве можно сравнить с коттеджами, которые у налоговиков.

Тут Роза совсем перешла на шепот, словно рядом было подслушивающее устройство, и принялась рассказывать, кто, где и с чего имеет. Это скучно, но я терпеливо внимаю.

– Вон – транспортный подрядчик в казино проиграл десять тысяч долларов, а начальник охраны, бывший переводчик, строит себе дом в Алматы за миллион. Откуда такие деньги? Не с зарплаты же.

Я слушаю ее и понимаю, что жизнь любит шустрых. Понимаю, что на всех всего не хватит, но почему-то не завидую. А она нашла свободные уши и продолжает:

– На суде они давай друг на друга валить – тот столько украл, а этот столько! Тому взятки давали миллионные за подряды, а этому – и поболее. Грызут друг друга и в прессе, и на телевидении, и лично, и публично. Столько грязи вытащили, волосы дыбом. Их подвело то, что у них были очень большие списания – постели, посуды, мебели. А у нас списаний нет, каждую тряпочку храним – склад забит. Живем, как мышки, тихо, скромно, не шикуюем и работаем уже который год.

– С чего бодяга-то началась? – перебиваю я. – Трясут компанию во всех инстанциях.

– А надо было дать! – сверкнув азиатскими очами, громко, как абсолютную истину, изрекла Роза. – Ну дай ты этим малым предпринимателям соллярки на посевную подешевле, как они просили. От тебя сильно убудет, что ли? Раньше всегда давали. Ты ж здесь работаешь, из этой земли сосешь – делись немного с людьми, не всё ж тебе одному. Бывший президент понимал, при нем разве скандалы были? Знал к кому и с чем зайти.

Вот сидит бастык в акимате, пусть ты внутри себя материшь его, но ты прояви гибкость, набрось на себя его одежды, подай руку. Они царьки здесь, им и денег-то не надо, у них всё есть, их уважение греет, и ты прояви уважение, понимай местный менталитет – раздай бусы, налей огненной воды, за-

трать немного – и сохранишь гораздо больше. Сам не хочешь, найди человека, который сможет сделать за тебя.

А Джерри сказал, что теперь всё станет по закону. Салам алейкум делать не будет. Кланяться тоже. Вот и получается – сам не дам, и другим не дам.

Зачем дверь пинать, зачем Лондоном грозить? Лондон далеко, а ты здесь. Это его земля, и тебе по ней ходить. Рыльце-то у тебя у самого в пушку, тридцать насосов сверх квоты поставили, взятую нефть назад не вернешь!

Какая величина, а попал под скандал. А у него, между прочим, виза кончается, и могут не продлить – что он будет делать? Понял и бесится.

Они думают, здесь Европа. Нет, милый, это – Азия, даже не Россия, тут каждый каждого знает, на этих связях всё держится. Все между собой ниточками повязаны, если посмотреть, кто и на каком месте сидит, ой как далеко может ниточка потянуться и объяснить, почему этот получит ту или иную подпись, а другому никогда её не видать. И откуда деньги идут, и в какие ручейки сливаются, и куда они потом текут наверх. Борьба с коррупцией – смех на палочке! В нашей системе всегда есть люди, которые стоят выше закона, а у них всегда есть родственники и друзья.

В один день вековые степные нравы не переменить. Новичка технично съедят со всех сторон, а я не хочу, чтобы опять свои казахи управляли, нам под иностранцами лучше живется. Порядок есть. Как при покойном президенте.

Ночью в гостинице я написал статью: сделал акценты на социальные программы, медобслуживание, подготовку проекта по утилизации газа и несправедливый подход прессы. Утром перевел Бобу – он одобрил, но с оговоркой:

– У нас при обсуждении бизнеса гораздо меньше эмоций, мы стараемся излагать более рационально.

Материал показали Бузовичу и послали в Алматы на согласование.

Вечером из южной столицы прилетел Гарри Пауэр, кособокий и хромой директор отдела по связям с общественностью, со своей худенькой беременной секретаршей.

И как такой Гарри пиарит, вообще непонятно. Он годится только «бабки» в кейсах заносить. А ревнивый! В мой текст, скорее всего, даже не глянул, сказал, что они уже сами подготовили все нужные ответы, что есть целый штат работников, который знает, что и куда писать.

– А ты занимайся своим делом!

Баба с воза – кобыле легче! Мне не особенно хотелось светиться со статьей, потому что, как бы я ни изворачивался, всё равно бы замарался, а знакомые журналисты и экологи не поверили бы в мою искренность.

Вскоре всё пошло в разнос.

Happy New Year!

Раннее утро накануне Нового года. Солнце еще не поднялось. Самый крепкий мороз. Мостки, решетки, поручни обледенели.

Одинокая ворона, стараясь реже взмахивать крыльями, спланировала под рабочую площадку буровой, перепрыгнула на переплет мачты, потом на трубу, пробралась сквозь ступеньки лестницы и юркнула внутрь огороженного тентом и обогреваемого пространства вокруг устья скважины. Холод заставил птицу не бояться рева дизеля и лязга железа над головой.

Вдруг в душевой погас свет. Я быстро домылся, ожидая, что вода остынет. Но врубили аварийный генератор.

Зимы хлебнули по полной программе. Сначала с грязью и болотной хлябью дорог, измороженных трехосными тягачами и бульдозерами. Потом с морозами под сорок, ветром и пургой. Машины работали круглосуточно, иначе утром не завести.

Только отогрели, восстановили циркуляцию на станке, замерзла линия между емкостями. Заказали дополнительный парогенератор и послали наливной «Краз» за горячей водой на базу.

Водитель уваливает от поездки под Новый год.

– Какая разница – хочет он или не хочет. Мы платим ему за то, что он работает, а не за то, что он сидит тут на своей заднице. Коммунизм испортил треть мира, – ругается Боб. – Чему Советский Союз научил людей – так это спать!

Боб никогда не упускает случая покритиковать живучие советские нравы и подчеркнуть преимущества своей системы.

– К нам приезжала группа парней с Гавайев, – продолжает он, следя за медлительными действиями ночной бригады, – они больше любят повеселиться, поговорить, погулять, развлечься в компании, я не видел у них серьезного отношения к делу, к которому привыкли мы в Америке. Казахи не технари по природе.

– За редким исключением, – поправляю я. – Бараны, лошади, верблюды – тут они дадут фору любому. Но на ремонт я повезу свой «Мерс» только к русскому, а лучше – к немцу. И, кстати, зарплата еще не самый главный стимул в здешних прериях.

За разговором я вспомнил лекцию одного американского профессора, который утверждал, что преимущество в экономическом развитии Северной Америки над Южной в том, что первые – это в основном предприимчивые, трудолюбивые и аккуратные протестанты, а латиносы – рачительные неорганизованные католики. Латиносам, африканцам, азиатам – горячим народам больше нравится праздник. Их жизнь сгорает в любви, танцах и пьянстве. И плодит нищету. Отдельных умных, талантливых людей у каждого народа достаточно, а вот чтобы массово, системно... Тут-то вся и проблема.

Русские тоже по праздновать любят, начиная с католического Рождества и до Старого Нового года – двадцать дней сплошной выходной. А потом еще в мае маются. Будто делать нечего.

Русские – те же азиаты. Голова в Европе, а ниже плеч – в Азии. Но в холодной. Вот и согреваются.

Шаляпин поет:

– Эй, мужик, почто водку пьешь?

– Холодно, холодно.

– Эй, мужик, почто бабу бьешь?

– Холодно, холодно.

И песни все самые душевные у нас про «ой, мороз, мороз» да про то, как ямщик в степи замерз. Может, глобальное потепление что-нибудь изменит.

В одиннадцать вечера открылась дверь и вошла закутанная в овчинный тулуп Роза. Откинув с головы пуховую шаль, она воскликнула:

– О, у вас тепло! Я от холода на работу сбежала. Дома – ледник. В котельной угля нет. У соседей трубы и батареи полопались.

– Зато тут факела горят-пылают, – говорю я.

– Везде бардак. Двери в подъезде разбиты, оконные рамы плотно не закрываются. Заставляю сына – иди по инстанциям, требуй, добивайся –

не хочет – говорит, пока пробегаешь, уже весна. А там и лето недалеко. Но после ведь опять зима наступит. На работе сама отогреюсь, а сердце болит за малышей.

– У нас тоже была ситуация, – вспомнил я недавний кошмар. – Рядом с нашим домом возле городской бани построили открытое кафе с танцплощадкой. С весны до осени до трех часов ночи дикий концерт и пьяный галдеж, хоть как закрывайся, тяжелый бас усилителя долбит сквозь стены. Ни отдохнуть, ни поспать, дети плачут, у стариков головные боли. Ругались, звонили в милицию, писали городским властям, взывали к закону. Бесполезно. Хозяева – мафиози, сидят в маслихате. Купили всех, запугали. Ни одна газета не решалась на публикацию. Даже цены на квартиры упали в округе. Два года мучались. Уже хотели теракт им устроить. Но тут перед праздником появился транспарант с призывом главы государства к культуре поведения. И пришла мысль озаглавить коллективное письмо жильцов в газету так: «К кому обращается президент, или под чью дудку пляшем?» С полным раскладом и с угрозой, если не наведут порядок, напрямую написать на самый верх. И, ты знаешь, умолкли. Стало можно жить.

– Вот так везде, – согласилась Роза, – от местной власти ничего не добьешься.

– Мы же ее не выбираем, вот и не добьемся.

– Но вы давайте, подходите, – поторопила Роза, – у нас уже всё готово, вас ждем.

В столовой столы накрыты. Ёлка наряжена. Блестят гирлянды. Разноцветный «дождик» серпантина струится с лампочек.

Спиртного нет, но народ навеселе. Изрядно поддавший Турсунбек отметил свое назначение помощником механика и уже успел подраться с шофером из-за Махаббат. Их разняли, и они теперь сидели за разными столами, хмуро бросая взгляды – то друг на друга, то за окно, где девушка, кокетливо держа между пальцев сигаретку, болтала с румыном.

Они вдвоем вошли в столовую, Марьян огляделся:

– Позвольте, сяду тут с нашими механизаторами? – добродушно улыбаясь, сказал он, подвинув стул для Махаббат и поставив свой рядом.

– Мы не механизаторы, – насупленно ответил Турсунбек, потирая распухшую губу.

– А кто вы?

– Мы – механики.

– Какая разница? – в глубине цыганистых глаз прятались насмешливые искорки.

– Механизаторы в поле на тракторе пашут.

– А ты?

– А я в гараже.

– Ну да, ты теперь начальник! – усмехнувшись, согласился румын.

Заиграла музыка. Раскрасневшаяся с мороза Махаббат потянула Боба танцевать, но тот упирался, отшучиваясь, что для его комплекции слишком мало места. Тогда она подняла Марьяна и, прижимаясь к нему, из-за невысокого плеча румына поглядывала на всё больше мрачневшего Турсунбека.

– Мы своего переизбрали, а вы когда будете? – спросил польский мастер Войцек, показывая на висящую на стене большую фотографию, изображавшую давнюю встречу президентов Польши и Казахстана.

– Зачем его трогать? Он у нас пожизненный.

– Каждый народ имеет власть, которую он заслуживает, – философично согласился поляк.

– Его давно пора скинуть, продал нас всех... – со злостью громко заявил Турсунбек.

Политику за новогодним столом женщины не приветствовали, по их требованию тему немедленно закрыли. Часы били двенадцать. Пробки шампанского ударили в низкий железный потолок.

После тостов и поздравлений Махаббат спросила:

– Боб, тебе понравилось в Китае?

Боб, который недавно летал туда с Гошей, хозяином «Муная», сказал, что оборудование выпускается по западным стандартам и при нынешнем нефтяном буме Америка сама закупает сотни китайских станков.

– Как там женщины? – поинтересовался Марьян.

– В основном маленькие, плоские и сзади, и спереди, – засмеялся Боб.

– Казашки лучше? – не унималась Махаббат.

– Даже сравнивать нельзя. Встречаются такие экземпляры, высокие, длинноногие – засмотришься. А если при макияже – вообще.

– Раскраска любую может сделать красоткой, – подтвердил Войцек. – Китайцы клонут на здешних азиаток.

Марьян подтолкнул локтем в бок Турсунбека:

– Скоро по-китайски будете все говорить.

Шумной толпой народ вывалил из столовой. Перед глазами простирался выглаженный ветром снег, а над ним небо, черное, как космос. На замерзшем горизонте всходила огромная кровавая Луна.

Ночью опытный инженер-растворщик Марьян в клубах густого пара поскользнулся на обледенелом трапе, упал в емкость с водой и сломал себе ключицу. Как это случилось, он рассказать не мог. Почти без сознания его отправили на скорой в городскую клинику.

Нихау – значит привет!

В конце марта пустыня затрепетала подснежниками, в апреле запестрела красно-желтыми полянами тюльпанов, потом чуть подернулась синевой колокольчиков, и наступила жара.

Всё лето циркулировали слухи о том, что в результате переговоров на самом высоком уровне, манипуляций с бусами и огненной водой азиатские конкуренты отступили, а «Петролеум» продолжит работу, приняв повышенные социальные обязательства.

И вот в конце августа вдруг сообщили, что нас купили китайцы. Западный народ плотно присел на чемоданы, а с ними вместе за океан на зависть сотням женских глаз отправлялась дюжина местных жен, в основном из бывших переводчиц. Каждая вторая пара сгодилась бы для сюжета картины «Неравный брак». Обычная разница в возрасте молодоженов лет в двадцать пять – тридцать. Разумеется, невеста младше и беднее.

Против Джерри завели уголовное дело, и он сам решил не возобновлять визу. Кадырбек просто исчез, и никто не мог сказать в каком направлении.

Марьян после выздоровления не вернулся, а написал, что улетел по контракту на Кубу, где очень доволен зарплатой, морем и мулатками. Так и осталось тайной, что случилось с ним в новогоднюю ночь. Сам ли он упал, или кто-то ему помог.

Френк уехал в Европу. Я в раздумьях, но пока не дергаюсь. Боб говорит, сейчас бежать не надо, в случае закрытия компании могут выплатить бонус. И, поразмыслив, добавил: «Хотя вряд ли».

– Печора совсем не плохое место, мне нравилось там, и в Минусинске тоже, – все чаще вспоминал он Сибирь. – Первые годы, когда западные компании пришли в Россию, они получали небывалые, просто фантастические прибыли, и держали бы язык за зубами, а то начали трезвонить и хвастаться в прессе.

Наши владельцы «Петролеума», канадцы, ушли, но тоже в накладе не остались – в середине девяностых после развала Союза в разгар экономического кризиса они взяли месторождение за каких-то сто пятьдесят миллионов долларов, а в хорошие годы получали до миллиарда чистой прибыли. И продали теперь всё за четыре с лишним миллиарда. Вот это называется – делать бизнес! – у лопухов третьего мира, которые любят себя называть евразийцами.

Экспатов никто не гонит, наоборот, уговаривают остаться, но у них предубеждение. Не хотят работать и увольняются сами. Китайцы в шоке – своих спецов нет! Вопреки опасениям, зарплаты никому не снизили, а по-советски ко Дню конституции даже раздали премию.

У центрального офиса светлый флаг с кленовыми листьями сменился на красный с желтыми звездами. Нападки в печати сразу прекратились, факела продолжали гореть с прежним жаром.

В один из погожих декабрьских дней с дороги в сторону нашей вышки повернула длинная вереница джипов. Ознакомительный объезд делал вице-президент компании – Донг Чуй, китаец.

Фотографы, телеоператоры снимали делегацию в разных ракурсах на фоне бурового станка. Завтра пойдут репортажи в главных СМИ Поднебесной.

Помнится, после распада СССР самая большая новость, обсуждавшаяся в китайских газетах, была та, что рядом появилось огромное, величиной с Европу, государство с населением всего пятнадцать миллионов человек и несказанно богатое природными ресурсами.

Тогда шутили: «Мелкими перебежками по три миллиона, и проголосуют за присоединение». Но больше не шутят, и вот уже премьер назначен из бывших послов в Китай. И аким областной там учился. И общие саммиты случаются гораздо чаще, чем с другими странами.

Суперинтендант бурения Берик Абдурахманов семенит вслед за китайским руководителем, преданно заглядывая ему в глаза. Он старается втереться, войти в круг, он уже похож на них, уже почти неотличим – лучший друг и соратник – одна масть.

Но китаец поглядывает свысока. Держит марку.

Чуть поодаль, особняком, с чувством собственного достоинства шагает канадец – главный инженер промысла, который пока остается работать.

Зашли к нам в офис.

– Нихау! – говорю.

Вице-президент рассмеялся и отвечает: «Нихау».

Поздоровались с Бобом. Задали вопросы. Во встрече чувствуется напряженность. Повисла неловкая пауза.

– Скажите, как по-китайски «я тебя люблю»? – спрашиваю его по-английски.

– Во ай ни, – еще громче смеется вице-президент и очень четко по-русски говорит: – Зачем тебе?

– Мне для сына. В школе в день Святого Валентина хочет подписать открытки на разных языках. У меня уже есть по бенгали, по-сербски, по-румынски и еще на двадцати языках.

Он начертал мне в блокноте иероглифы, и только тут я сообразил – а как же их домой по электронке передашь? Смартфонов еще не было.

Вавилонская вышка

В компании сложилась странная ситуация – существуют три разделенные группы: горстка оставшихся экспатов, прибывшие китайцы и местные. Все держатся отдельными кучками, между которыми вакуум, китайцы – руководят, но решений не принимают, норовят спросить у бывших. Те отвечают уклончиво, в результате – везде тормоз.

– Мы опять среди коммунистов, других, но коммунистов, – ворчит Боб. – Они ждут, пока решит коллектив. Брать на себя ответственность никто не хочет.

А у нас в офисе на буровой теперь тоже поселился худенький тихий китаец – Юй Тень.

Его приставили к Бобу обучаться. По-русски – ни фига. Что-то мяукает якобы по-английски.

– Ты сам с ним говори, я его не понимаю, – после первых минут общения заявил Боб.

Куда деваться. У меня профессия – всех понимать. Мне за это деньги платят.

Иероглифическое мышление для нас порой смешно своей прямолинейной логикой. Помню документальный фильм 60-х годов – «Великий кормчий проплыл два километра по реке Янцзы и этим нанес сокрушительный удар по американскому империализму!»

– Мао Цзэдун популярен?

– О да, очень! – отвечает Юй.

– А как же его культурная революция – это было вправо или влево, или посередине?

Юй что-то промямлил про тогдашнюю внешнюю угрозу. В Казахстане он впервые, но ему нравится. На гарнир ест только «мифа» – рис. Рыбу, мясо, консервы – с удовольствием. Обожает борщ. Не в привычке сметана, сыр, маслины.

– Сало попробуй.

– Что это такое?

Я говорю:

– Его с хлебом надо.

Он взял сладкий кекс, положил сверху кусок перченого венгерского шпика и откусил.

– И правда, – соглашается, – очень вкусно. Но мясо у вас готовят одинаково. В Китае баранина отличается от говядины.

Махаббат в столовой притихла, подает пирожные с газводой и Бобу, и Юю. Молча. Присматривается.

В «Мунай» наконец завезли буровой станок, бригада наладчиков – китайцы, остальные рабочие – местные. За месяц сделали монтаж оборудования, зарезали черного барана, произнесли молитву и начали бурить. Вечером пировали: кувардак-бешпармак, а утром начались проблемы и непонятки. Затяжки большие, момент вращения высокий, проходка низкая, скважина идет вкось.

Гоша в панике, прикатил к Бобу – помоги! Мы приехали, глядим – ба! Знакомые все лица. Алкаши, которых выгнали у нас, здесь самые главные специалисты. А новички-рафнеки – сплошные юристы и экономисты – совсем «зеленые». Мастер – китаец Ой Люли, ни бум-бум ни по-русски, ни по-английски.

– Они ж тебе дорогое оборудование в два счета угробят, – удивляется Боб.

На вопрос, в чем проблема, полный разброд.

Ой Люли говорит:

– Может, что-то упало в скважину?

Бурильщик считает, что слишком жесткая компоновка, предлагает убрать стабилизатор.

– Мы менять долото. Следующий долото была тот самый, – пытается рассказать помбур.

Боб спрашивает по-английски, я перевожу на русский, рабочий переводит на казахский, впервые попавший на промысел парнишка-урумчиец переводит с казахского на китайский мастеру Ой Люли. Ответ поступает в обратном порядке.

Натуральная Вавилонская вышка.

– Может, мне проще выучить китайский? – шутит Боб.

– Но тогда не будет работы мне, – не соглашаюсь я.

Боб тяжелыми шагами поднялся по лестнице, заглянул в жерло ствола ротора, потом спустился на землю, походил вокруг, отошел подальше, присмотрелся:

– Да у вас мачта не отцентрирована.

Так добурили до лета. Саранчи налетело – серая, с красными подкрылками, лезет во все дырки.

– Можно есть ее? – спрашиваю у Юя, глядя на воробьев, ошалевших от изобилия корма и еле передвигающих по земле ноги.

– Можно, если помыть, посолить и поджарить. Только мы едим такую, которая зеленого цвета, как трава, а другая может быть невкусная или ядовитая.

Они, как говорится, научились есть всё, от большого желания съесть хоть что-нибудь.

Первый раз за три месяца Юй Тень собирается ехать домой. Долг родине он отдает по полной программе.

Про любовь к демократии

Роберт – жесткий республиканец. Он только что прилетел из Штатов. Рассказывает возмущенно:

– Еду по Сан-Франциско. На заднем стекле задрипанного «Форда» написано: «Буш – идиот». У вас в стране такое возможно?

– У нас Конституцией запрещено публичное оскорбление президента, – отвечаю я. – Однажды он приехал в Тараз и на встрече в драматическом театре сказал: «Нам много умных людей не надо, мы сами умные».

– Я тоже считаю, что это недопустимо, но хозяину «Форда» ничего не грозит, – увлеченно продолжал Роб. – Раз президент сказал, значит, так должно и быть. Его выбрали. А иначе пойдет разброд. И если нас задели, мы обязаны дать отпор. А с этими либералами и всякими подонками нетрадиционной ориентации сплошной бардак! Я из Техаса, я этих вольностей не люблю. Нас бомбили, и мы вошли, чтобы подавить гнездо террористов и установить демократию. Больше ничего нам не надо.

– Но самое интересное, – показываю я на карту, висящую на стене, – что внедрять свою правду американцы почему-то лезут именно туда, где должен

пройти очередной стратегический нефтепровод, в районы основных углеводородных запасов – Афганистан, Ирак, Иран. А сидя в Казахстане, они не особенно беспокоятся о здешней демократии. Раскроют рот иногда для профилактики. Главное, чтобы режим был к ним лоялен.

Роберт перестает спорить. Он умолкает.

Вообще демократия – любимая тема, обсуждаемая в нашем кругу. Мы про нее можем говорить часами, как женщины про женихов и детей.

Иностранцы часто повторяют, что у нас незрелое общество, мы не умеем самоорганизовываться и заботиться о себе. Что у нас выборы нечестные. Что мы всё еще похожи на стадо баранов. Они не критикуют – они констатируют факт. Им даже удобнее, что у нас так. Проще делать свои дела. Хотя и в чем-то рискованно.

Но почему мы не восприимчивы к порядку? Впервые вразумительный ответ я нашел у Тойнби.

Демократия родилась на кораблях. Люди хотели доплыть, а не утонуть, поэтому капитаном выбирали самого умного и опытного. Ему подчинялись не потому, что он власть захватил или унаследовал, а по коллективному договору. Приплывая и колонизируя новые земли, экипаж и пассажиры переносили практику выборов на управление поселением. Подчиняясь закону, жили греческие и римские города, а нынче живут западные страны.

Первые переселенцы из Европы в Америку были объединены общей протестантской идеей, культом чистоты и порядка. В Новый свет бежали энергичные авантюристы, предприимчивые и думающие люди. Конституцию они написали один раз и набело. Зачем переделывать, если она отработана веками практики. Отсюда и все дальнейшие успехи американской цивилизации, поддержанные печатанием доллара и Бреттон-Вудской системой. Они прикрутили долларом весь мир, и он работает на них.

Ну, не было в России до Петра ни кораблей, ни капитанов, а у жителей степей и подавно. Кочевые – и те, и другие. Много общего. И земли много. И лени. И желания жить вольно и по понятиям, думая больше о предках-аруахах, чем о будущем.

Патриархальность нашего сознания вопиющая. Вот провели опрос общественного мнения – половина россиян считает, что президент должен быть отцом нации (то есть царем-батюшкой). Это малоимущая половина, а значит – большинство. При отсутствии развитого гражданского общества только центральная авторитарная власть в состоянии управлять такой огромной страной, как Россия. Иначе – развалится.

Кому в голову придет жаловаться Джоржу Бушу на поведение Бритни Спирс, с ней суд разобрался, а у нас пожалуйста – в Интернете требовали от Путина лично приструнить Ксению Собчак.

Но, казалось бы, это – народ, так сказать – масса, которая дожидается улучшения жизни сверху.

Ничего подобного. Как только ведущий крупной аналитической телепрограммы, регулярно критиковавший президента, был уволен со своего поста, так он тут же принялся апеллировать к тому же президенту – как к отцу родному – о восстановлении справедливости.

Или вот – известный юморист рассуждает со сцены:

– Тесно русскому человеку в рамках закона, широка его душа. Не по зубам она западным умникам, которые, – британцы, например – еще пытаются нас учить демократии. А сами вели колониальные войны, убивали и грабили по всему миру.

И как-то невдомек искреннему патриоту, что демократия – это не интернациональное равенство и братство, а внутреннее устройство государства, поддерживающее закон и выборность трех ветвей власти. И это не значит, что одна демократия не может воевать с другой или с кем-то еще. Как Афины со Спартой. Или как США в арабских нефтяных зонах отстаивают свои интересы. Чего ждать от народа, если интеллектуальная элита путается в чувствах и понятиях.

Но в Китае тоже нет демократии, а страна развивается. Дэн Сяопиновская кошка отлично ловит инвестиционных мышей. Китайский ширпотреб от игрушек до автомобилей прочно овладел миром. Японцы только что-нибудь изобретут, а китайцы уже внедрились. Немцы только спроектировали магнитный монорельс, а в Шанхае на нем уже в аэропорт возят. Однако тут же рядом пашут деревянной сохой на волах, а средняя зарплата рабочих в сто долларов для иностранных корпораций считается невыгодной и заставляет их двигать заводы вглубь страны, где можно платить на треть меньше.

В Китае есть рост экономики, а в Казахстане кроме нефтепроводов во все стороны и цен на жилье и продукты пока ничего нового не растет. И главное, спросить за это не с кого.

Чайна-таун

Отвечая на вопросы журналистов о растущем военном бюджете КНР, посол Китая в ООН сорвался на крик: «Население Китая в шесть раз больше, чем население США! Так что пусть американцы заткнутся и сидят тихо – так будет лучше для них. Пусть не суют нос во внутренние вопросы Китая. Нам каждый сантиметр китайской земли намного важнее жизней наших солдат».

Из газет

Вместо польской «Лаборатории бурения» теперь китайская. Её мы сразу обозвали «Чайна-таун». Её черноволосые обитатели собираются в контейнере, варят что-то свое пахучее, громко кричат и спуют туда-сюда.

Боб недоволен, что убрали поляков. Чайнизы плохо понимают дело, их приборы не всегда исправны, контроль за скважиной снизился.

Живут они четверо в трехместной комнатке, не меняя простыней. На промысле даже бытует термин – «горячая кровать», в которой спят по очереди.

И вот приехал еще один.

Давно не стриженный, взъерошенный парень в столовой, скрошив полбулки хлеба в тарелку с борщом, принялся метать его в рот, чавкая и брызгая вокруг, не обращая внимания на неодобрительные взгляды соседей. В здешних краях так не ест даже самый последний аульный оборванец.

– Скажите ему, чтобы не лез руками в кастрюли, – пожаловалась повариха.

А потом пришла Роза и, сверкнув золотыми зубами, доложила Бобу, что новенький потребовал отдельную комнату, которая якобы полагается ему по контракту.

– Что?! – взревел Боб Бустер.

Вот тут я увидел настоящего комодского дракона и дикого бизона в одном лице. Он кричал, рычал, клацал клыками, царапал когтями и бил копытом. Его огромное тело сотрясало от гнева, лоб покраснел и покрылся крупным потом, в углах пасти проступила пена. Вся туша двинулась на Чайна-таун.

– Факинг специалисты! Ничего не умеют, а еще требуют. Разгону всех к такой-то матери! – ревел он, распахивая дверь.

Китайцы, как кролики, чуть не пали ниц и взирали на него, исходя мелкой дрожью.

– Ноу, мистер Боб! Все окей! Мистер Боб!

Они готовы были спать стоя по трое в одной кровати.

Боб был в отвратительном настроении. Отказавшись от штатного шофера, он водил машину сам и давно не проверял масло в моторе. Дороги плохие, пыль из воздушного фильтра порой выгребали горстями. Движок застучал. Угробил, но делает вид, что не виноват.

Но пришла беда, открывай ворота.

Под шумок в замешательстве перепутали координаты скважины. Геологи их переиграли, маркшейдеры отметили новую точку, а старые колышки не убрали. Мы переехали, пробурили и промахнулись на три километра. Вбухали в болото миллион баксов.

Из города без конца звонил Дыромил. Он метался, не зная, на кого перевести стрелки. Бурил Боб, но на геолого-техническом наряде стояла подпись его – Бузовича. Заискивающим, заикающимся голосом он умолял:

– Если приедет комиссия, не говорите, что скважина пустая.

– Начинаются коммунистические штучки, – положив трубку, ворчал Боб, – всегда стараются сказать то, что начальство хочет от них услышать. Сначала надо врать, потом эту ложь покрывать другою ложью. А чего бояться? Если меня спросят – я отвечу прямо.

Китайская грамота

На следующую вахту Боб Бустер не приехал. Его ответом стал отказ продлевать контракт. Ну не любят американцы работать на коммуняк даже с рыночной ориентацией.

Теперь с нами по три месяца будет сидеть Юй Тень, но если Боб – за десятки тысяч долларов, то тихий китаец – за весьма скромные юани.

По вечерам весь Чайна-таун толчется в нашем офисе, названивая домой. Круглосуточно слышу китайский. Когда надоедает, ухожу к себе в комнату и закрываю дверь.

Дыромил чуть не упал с кресла, когда выкатили счет за телефонные переговоры, но ругать хозяев не решился.

С китайцем работать проще, но в английском деградируешь. И всё вокруг словно притормозилось. Боб одним взглядом заставлял двигаться, повелевал одним видом своим.

Юй требовать боится. Наши казахи его не уважают, увиливают, хитрят, придумывают всякие отмазки. А он и не настаивает. Как катится, так и пусть.

В перерывах между выходами на буровую площадку надо коротать время, и я слушаю стихи по-китайски с рифмами на четырех тональных уровнях. Юй записал мне в тетрадь строчки иероглифов древнего стихотворения и перевел дословно:

*За гору заходит Солнце,
Желтая река течет к морю,
Если ты желаешь увидеть далеко,
Постарайся подняться выше.*

Текст начала нашей эры, а прочитать можно и сейчас – язык удивительно законсервированный, но образный и наполненный символикой.

Поднимаясь, главное не упустить из виду цель, но порой, в процессе восхождения, может открыться совершенно иное, о чем ты даже и не подозревал. Это очень перекликается с индийской мудростью Тагора.

Юй старается овладеть русским. Я его тренирую. Он не может произнести «здравствуйте», звука «р» в китайском нет. А тем более такого раскатистого, грассирующего. Рычать он не умеет – но упорно скребет подбородок.

Я тоже продолжаю получать уроки лингвострановедения, сам выучил кое-что и удивляюсь – уж больно подозрительно похожи китайские и русские слова: хо – хорошо, бухо – плохо, холога – холодно...

Наши предки долго жили по соседству.

– В китайском очень просто образуется множественное число и притяжательная форма личных местоимений:

Я – во, Мы – вода,

Мой – вомен, Наши – воменда.

Сохранился древнейший принцип примыкания – агглютинация, когда добавляются одинаковые хвостики, изменяющие значение слова.

– Это как в казахском, только плюс еще четыре разных интонации, влияющие на значение каждого слова, – объясняю я, как понял.

– Да! – обрадовался Юй. – В китайском всё просто, не то что в английском или в русском!

И вот однажды, на закате спокойного дня, в первый раз после долгих стараний внятно произнесся звук «р-р-р», Юй в благостном расположении духа разоткровенничался:

– На русском кто говорит? В мире очень мало народу, говорящего по-русски.

Я аж весь сжался, почувствовав, как он нас посчитал и сравнил со своими полутора миллиардами. Эта цифра даже не помещается в моей голове. Человеческий муравейник, и все хотят есть, пить, спать, иметь детей, дом, машину и получать прочие радости.

– А на английском говорят многие, – продолжает он, – и в английском языке очень много разных слов.

Я согласно киваю головой, не понимая, куда он клонит.

– Английские словари толстые, и они становятся еще толще. Они просто распухают от слов. А то, что распухает, сказал Конфуций, обязательно когда-нибудь лопнет! Английский лопнет, а китайский останется. И будет во всем мире только китайский!

Вот так он считает, такая у них домашняя конфуцианская философия, построенная на мышлении иероглифами.

Окончание в № 5, 2024.

